

УДК 94-058

**ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАНСКОГО МЕЩАНСТВА
В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)**

© 2014 г.

*Т.В. Бессонова*Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета

t.bessonova@liist.ru

Поступила в редакцию 23.04.2014

Рассматривается процесс формирования мещанства как категории городского населения России в конце XVIII – первой половине XIX в. На примере Казани показана региональная специфика пополнения мещанства из различных категорий населения: посадских, ямщиков, служилых татар, работных людей, крестьян, дворовых и т.п. Мещанство, как открытая категория населения, аккумулировало социальные группы, ведущие городской образ жизни. Это позволило выявить тесную связь формирования мещанства с модернизационными процессами дореформенного общества.

Ключевые слова: мещанство, источники формирования, модернизация, социальная мобильность, образ жизни.

Модернизация, понимаемая как «совокупность социальных, экономических, политических, культурных и иных процессов, связанных с переходом от традиционного (доиндустриального, аграрно-традиционалистского) общества к современному индустриальному и формирующемуся постиндустриальному обществу, основанному на инновациях во всех сферах жизни», проявилась в различных сферах жизни российского общества конца XVIII – первой половины XIX в. [1, с. 7]. Важнейшим процессом, характеризующим специфику образа жизни различных категорий населения является социальная мобильность. В сословном обществе социальные определения фиксировали формальный статус человека, положение в обществе, предсказуемость его поведения. Жесткое закрепление социальной идентичности, по крайней мере на формально-правовом уровне, относится к числу существенных характеристик доиндустриальных обществ. Усиление социальной мобильности, подвижности и изменчивости социальных структур становится одним из принципиальных признаков буржуазной модернизации.

В XVIII в. в России протекали важнейшие структурные изменения социальной системы. С одной стороны, дробность чинов Московского государства XVII столетия уступила место более обобщенным социальным определениям, завершив формирование сословного общества. Одновременно под влиянием модернизационных процессов происходило изменение образа жизни различных категорий населения, что по-

влекло за собой трансформацию социальных формулировок. Процесс модернизации отразился в первую очередь на структуре городского населения в России. Так, во второй четверти XVIII в. при сокращении абсолютного прироста городского населения выросла численность торгово-промышленного сословия. Например, в Казани по второй ревизии в 40-е гг. XVIII в. посадское население вместе с цеховыми выросло на 27% по сравнению с первой ревизией [2, с. 195]. Результатом реорганизации посадской общины стало создание в 1775 г. мещанства как сословной группы, отделенной от купечества имущественным цензом.

Разделение горожан на купцов и мещан не сразу было воспринято в обществе. Указ 1776 г. требовал ежегодной присылки в Сенат ведомостей о числе купцов и мещан в городах, поскольку не везде еще произошло разграничение данных категорий населения; кроме того, оформление нового сословного состояния вызвало заминку в сборе податей с горожан. Главный вопрос, кого считать мещанином, Сенат рекомендовал решить следующим образом: переписать в городах купцов, цеховых и крестьян, сверить данные с последней ревизией и всех, кто остался вне списка, записать мещанами [3]. В результате прежде многочисленное купечество городов заметно сократилось, в гильдиях остались только достаточно крупные торговцы. В Казани, согласно ведомости 1776 г., по последней ревизии состояло купцов и цеховых 2744 души, из них в купечество вошли 225 че-

людей, а в мещанстве должно было остаться 2515 с учетом выбывших душ [4, л. 11 об.]. По подсчетам М. Хильдермайера, в целом в Казанской губернии из числа горожан вступило в купечество 1028 мужских душ (5.4%), остальные 17988 душ остались в мещанстве или цеховых (94.6%) [5, с. 77].

Первоначально большая часть тех, кого предполагали включить в мещанство, была записана в цеховые. Согласно «Ведомости о наместничестве Казанском» 1781–1782 гг. в городе было «купцов 58 домов, мещан 403 ревизских души, записавшихся из крестьян в здешнее мещанство 151, цеховых 1097, дворовых людей за разными владельцами 477, за купечеством 145, в Захарьевской слободе крещеных татар 106, за разными чинами дворовых людей из иноверцев крещеных 369» [6, л. 78].

Процесс создания мещанства как социальной категории завершило Городовое положение 1785 г. Документ закрепил остаточный принцип формирования мещан: к ним относились все те лица, которые имели права городских обывателей, но не могли быть отнесены к купцам, цеховым ремесленникам, именитым гражданам, иногородним и иностранным гостям. Соответственно формировался круг мещанских прав. Мещанин был немислим вне корпорации; он получал указанные выше права только после вхождения в мещанское общество соответствующего города. Принятие Городового положения вновь потребовало уточнения сословной принадлежности горожан, которые должны были быть распределены по шести разрядам, указанным в документе. Процесс введения в действие документа и создания органов городского самоуправления затянулся. Так, при осмотре Казани сенаторами Воронцовым и Нарышкиным в 1787 г. было отмечено, что «Городовое положение в городах сей губернии в действие введено, но думы еще не открыты» [7, л. 9] Распределение горожан между шестью категориями вызвало увеличение удельного веса мещанства за счет вхождения бывших цеховых. По описанию Л. Максимовича и А. Щекатова в Казани в 1788 г. население составляло 9163 чел., в том числе мещан 956, купцов 561, цеховых 821, татар в двух слободах 1133, татар в городе 47 [8, с. 111].

Таким образом, первоначальный источник формирования мещанства – проживающие в городе посадские. Особенностью Казани было наличие татарского населения, также относящегося к старожилам. Они были обособлены в Старой татарской слободе, отделенной от города острогом в середине XVIII в. После городского пожара 1749 г. образовалась Новая татар-

ская слобода. Жители этих слобод «не имеют хлебопашенной земли и никаких угодьев, содержат свои домоводства и оплачивают государственного оклада подати из зарабатываемых по городу» [9, с. 283]. Большая часть слобожан – служилые татары, которые несли государственные повинности и имели привилегии, дарованные грамотой 1686 г. – свободно торговать, не будучи причисленными к купечеству. Привилегия была подтверждена именным указом Сенату 1775 г.: «оных обеих слобод татарам особливая дана привилегия торговать так, как купцам, кои производят торги на их заводах сделанным мылом, кожами юфтевыми и опойковыми, и отвозят на Макарьевскую ярмонку и в Астрахань; имеют торги в Бухаре и в Гостином дворе пушными и немецкими всякими товарами» [10, с. 25]. Масштаб торговой деятельности служилых татар был фактически на уровне купечества, и в первой половине XIX в. большая часть их записалась в купцы.

Накануне создания Городового положения в Старой татарской слободе проживало служилых татар – 481, а в Новой татарской слободе – 470 ревизских душ [6, л. 78 об.]. Часть татарского населения города, не получившая статус служилых татар, на основании сенатского указа 1763 г. получила разрешение селиться рядом со Старой слободой и впоследствии вошла в состав казанского мещанства. Для ведения дел татарских слобод в 1781–1782 гг. была образована Татарская ратуша, функционирующая наряду с городским магистратом.

Мещане-татары составляли небольшую часть татарского населения Казани. Так, в 1796 г. в городе насчитывалось 676 русских и 595 татарских купцов, а мещан соответственно 3259 и 19 мужских душ [11, с. 88]. Рост числа мещан-татар в первой половине XIX в. был незначительным и происходил в основном за счет перехода обедневших купцов в мещанство. Так, на общем собрании городского общества в 1834 г. было отмечено, что в ведении Татарской ратуши «находится весьма малое количество татар из мещанского сословия и не более как до 320 душ по 7-й ревизии, а остальные затем проживающие в одних с ними татарских слободах мещане более 1500 душ состоят в ведомстве городского магистрата» [12, л. 1]. К. Фукс в 1840-е годы насчитывал в Казани 722 семейства мещан-татар – 1736 мужчин и 1934 женщины, отмечая крайнюю незначительность увеличения татарского населения извне, а также обособленность казанских татар, практически не пересекавшихся в повседневной жизни с русским населением [13, с. 8]. Это подтверждает мнение Э. Виртшафтера о специфике применения русских

социальных категорий к нерусскому населению Российской империи [14, с. 36].

Еще одной группой горожан-старожилов были ямщики, которых в Казани по «Ведомости о наместничестве Казанском» насчитывалось достаточно много – 228 душ. Так же как татары, ямщики «по неимению у них земли пашенной, пожалованы же от государей из давних лет правом торговли равной с купечеством, и многие из них производят достаточныя купеческие торговли» [10, с. 25] и к началу XIX в. вошли в состав казанского мещанства.

Таким образом, сначала мещанство вобрало в себя разные слои имеющегося наличного городского населения. В процессе екатерининских реформ городские обыватели получили сословные права, в том числе и главное право прежнего посадского населения – заниматься торгово-промышленной деятельностью. Любой представитель других групп населения, прежде чем войти в данную деятельность, должен был приобрести на нее право – вступить в число городских обывателей, которым это занятие было присвоено как сословная привилегия. Вхождение в купечество требовало серьезного уровня торговой деятельности. Приписка в число цеховых была не особо привлекательна, поскольку необходимость заниматься исключительно ремеслом сужала круг возможного заработка. Мещане же обладали большими возможностями хозяйственной деятельности. В результате внутри категории городских обывателей шло перераспределение горожан по линии уменьшения купечества и цеховых и увеличения мещан. В целом, к концу первого десятилетия XIX в. процесс создания мещанства с правовой точки зрения был завершен, в законодательстве сформировался перечень мещанских прав и обязанностей и был очерчен круг лиц, которые могли переходить в мещанство, определена была и процедура.

Дальнейшее увеличение мещанства за счет включения различных категорий населения является прямым отражением процесса модернизации. Прежде всего следует отметить тесную связь пополнения мещанства с территориальным расширением города за счет вхождения в него пригородных селений. В Казани данный процесс наиболее активно протекал в первой половине XIX в., когда в состав города были включены ближайшие села. Основной состав их жителей – монастырские и владельческие крестьяне, с 1764 г. перешедшие в разряд экономических. Поселения, вошедшие в состав Казани, были довольно значительными. В 1781–1782 гг. в селе Архангельское экономических крестьян насчитывалось 274 души, в Плетенях – 125, в селе Ягодном – 182. В деревнях Поповка,

Бишбалта и Игумнова слобода – соответственно 35, 41 и 69, десять душ насчитывала Кизическая слободка при одноименном монастыре [6, л. 78 об. – 80]. Села Архангельское, Плетени и деревня Поповка вошли в состав города на основании утвержденных в 1782 г. штатов управы благочиния, составив отдельную городскую часть вместе с татарскими слободами. В 1825 г. к Казани присоединилась Ягодная, Игумнова и Кизическая слободы, вскоре – Козья слобода и Гривка. В 1833 г. к городу перешло село Бишбалта [15, л. 7]. Жители этих сел издавна вели городской образ жизни и по мере присоединения к городу пополняли ряды мещанства.

Одним из существенных источников пополнения казанского мещанства стали работные люди суконной мануфактуры, созданной по указу Петра I в 1714 г. и принадлежащей к числу посессионных предприятий. Работники были расселены в специально созданной Суконной слободе и несли городские повинности. Как отмечал казанский краевед XIX в. Н.Я. Агафонов со слов старожила слободы суконщика С. Юрьева, большинство мастеровых активно занимались торгово-ремесленной деятельностью и всевозможными промыслами, как и казанские мещане [16, с. 760–810]. В 1849 г. суконщики получили свободу и право избрать себе род жизни. Из 1193 фабричных лишь 159 купленных к предприятию крестьян перешли в разряд государственных. Практически все мастеровые в количестве 1034 человек избрали себе типичный для мещан род жизни, связанный с торговлей, мелкотоварным производством или услужением [17, л. 1]. Таким образом, абсолютное большинство лиц, пополняющих мещанство Казани, на момент вхождения в данную категорию уже вели городской образ жизни, и изменение социального статуса означало приведение реального положения в соответствие с формальными социальными определениями.

Вобрав в себя наличные слои городского населения, мещанство постоянно пополнялось извне. Развитие торгово-промышленной деятельности, рост городов, усиление социальной мобильности населения и соответственно постоянные нарушения сословных рамок вызывали постоянный прирост числа людей, меняющих свой социальный статус. В этом плане мещанство, как открытая на входе и выходе группа населения, выполняло актуальную задачу государственной социальной политики – аккумулировало промежуточные социальные категории, особенно подвергшиеся маргинализации. Таким образом, эти слои населения обретали правовой статус и попадали под фискальный

Таблица 1

Количество причисленных в мещанство по указам Казанской казенной палаты [20]

	1828, 1832–1835	1836–1840	1841–1844	1846–1847, 1849–1850	1851, 1853–1855	1857–1858, 1861	Итого
Отсужденные из незаконного владения или отпущенные на волю крестьяне	351	111	32	102	219	518	1333 (23.9%)
Государственные и экономические крестьяне	338	197	218	280	124	161	1318 (23.7%)
Отсужденные из незаконного владения или отпущенные на волю дворовые	1009	148	60	52	87	81	1437 (25.8%)
Иногородние мещане	82	42	63	54	47	68	356 (6.4%)
Отставные военные, солдатские жены и дочери	40	44	48	75	46	112	365 (6.6%)
Подкидыши и воспитанники	65	35	8	4	10	13	135 (2.4%)
Исключенные из духовного звания	23	13	32	40	85	20	213 (3.8%)
Новокрещенные	13	10	32	31	9	1	96 (1.7%)
Иные	183	31	21	13	36	25	309 (5.6%)
Итого	2104	631	514	651	663	999	5562 (100%)

надзор государства. Это касалось как тех лиц, кто вел торгово-ремесленную деятельность, но еще не имел на нее сословного права, так и тех, кто еще не выбрал род занятий, но в силу внешних обстоятельств изменил род прежней деятельности.

Поскольку в России различные города значительно отличались по территориальным, социальным и иным признакам, заметными были региональные особенности формирования мещанства. Так, Л.В. Останина, исследуя мещанство Западной Сибири, отмечала, что помимо старожилов-посадских в мещанство вошли отставные военные по мере упразднения казачьих команд, выходцы из ссыльнопоселенцев, представители коренных народов, принявших православие, дворовые калмыки [18, с. 132]. В городах Центральной России наибольший вес среди причисляющихся в мещанство имели различные категории крестьян [19, с. 82]. Анализ указов Казанской казенной палаты за 1828–1861 гг. позволяет получить представление, какие социальные категории пополняли казанское мещанство и какой удельный вес разные социальные группы имели в общем количестве вновь причисленных мещан. В архиве сохранилось достаточно большое число дел о причислениях в казанское

мещанство, что дало возможность за небольшим исключением произвести подсчеты практически за все указанные годы.

Как видно из таблицы 1, причисление крестьян различных категорий было не столь масштабным, как это принято считать в большинстве исследований. Отпущенные хозяевами на волю, а также государственные и экономические крестьяне составили чуть менее половины от всех причисляемых в мещанство (47.6%). Обращает на себя внимание тот факт, что заметный всплеск перехода владельческих крестьян в мещанство произошел только накануне отмены крепостного права. За три предреформенных года в число мещан перешло почти 40% от общего количества владельческих крестьян, ставших горожанами Казани за указанный период. Еще четверть от всех перешедших в мещанство составили государственные и экономические крестьяне, но за указанные годы заметна тенденция к постепенному снижению этой категории крестьян среди переходящих в мещанство.

Изучение прошений крестьян показало, что на момент изменения социального статуса они уже давно вели некрестьянский образ жизни. Поскольку для государственных крестьян при-

числение в мещанство могло произойти только с согласия мещанского общества их принять, а крестьянского общества их уволить, то у причисляемых должны были быть веские причины изменить свой социальный статус. В прошениях крестьяне повсеместно указывают, что издавна жительство в Казани, занимаясь «торгопромышленностью согласно городскому званию» [21, л. 3]. Важным аргументом служил давний срок занятий мещанскими промыслами: «с малолетства оставя в настоящем жительстве землешество и прочее, занимаюсь торговлею по городу Казани, в котором имею и чистовременное проживание, но желаю совершенно упрочить себя в торговом классе» [21, л. 71]; «по нахождению моему с малых лет по плакатным паспортам в городе Казани и занимаясь в нем разной промышленностью» [22, л. 49]. Эти данные подтверждались свидетельством уважаемых казанских домовладельцев, что невозможно было для случайных в городе лиц.

Подтверждением того обстоятельства, что в мещанство переходили преимущественно крестьяне, уже ведущие городской образ жизни, является география причисляемых крестьян. В источниках содержатся данные о месте жительства 1833 крестьян, из которых 1589 – жители Казанской губернии (87%), а из них 73% (1157 человек) проживали в Казанском уезде. Таким образом, Казань аккумулировала жителей ближайшей округи, втянутых в торгово-промышленное развитие города. Четвертую часть среди переходящих в мещанство составили отпущенные дворовые люди (25.8%), но эту категорию населения нельзя отнести к крестьянам, поскольку они были давно оторваны от земли, проживали в городе или пригородных селах, фактически ведя мещанский образ жизни.

Приписывание к четко сформулированным социальным категориям – не только государственная политика, движение сверху, но и отклик снизу, от массы промежуточных категорий городского населения, в том числе в силу полиэтничного и поликонфессионального состава населения Казани. Мещанство пополнялось за счет отставных нижних воинских чинов и солдат, лиц, исключенных из духовного звания, воспитанников сиротского дома и подкидышей, имевших, как и отпущенники, право на причисление в мещанство без согласия общины. Безусловно, подобная практика позволяла учесть в податном плане население, изменившее социальный статус, однако, одновременно значительно обременяла мещанскую общину, пополняя ее неплатежеспособными людьми. Обращает на себя внимание, что из общего числа про-

шений 31% приходится на долю вдов и девок, в том числе с детьми. Все это стало одной из причин постепенного роста мещанских недоимок, отмеченных властями. По сведениям Комиссии по пересмотру системы податей и сборов Министерства финансов, в целом по стране с 1848-го по 1858 г. недоборы с мещан составляли 18%, тогда как с казенных крестьян – всего 2%. [23, л. 7]. Отличительной особенностью Казани являлось также пополнение мещан за счет так называемых новокрещенов – преимущественно татар, реже евреев и черемис, принявших православие.

Достаточно заметную группу лиц (6.4%) составляют иногородние мещане. Любопытно, что жители городов Казанской губернии составляют всего 47%, а остальные – горожане 15 губерний Поволжья, Центральной России и даже Малороссии. Наибольшее количество среди них занимают мещане городов Вятской губернии (14%). Еще 9% мещан перешли из городов Симбирской губернии. Таким образом, судя по пополнению казанского мещанства из крестьян и мещан иных губерний, именно Вятская губерния имела наиболее тесные контакты с Казанью. Интересно, что среди причисляемых иногородних мещан, так же как и крестьян, практически отсутствуют представители восточных губерний страны, что позволяет говорить о втянутости Казани в пространство центральных регионов России.

В рамках внутригородской мобильности мещанство также пополнялось обедневшими купцами третьей гильдии, не объявившими в очередной раз капитал «по расстроеным в торговле обстоятельствам». Как видно из таблицы 2, масштабы данного явления невелики. Более того, при абсолютном росте городского населения вообще и мещан в частности, наблюдается постепенное уменьшение числа купцов, перешедших в мещанство. В известной мере это свидетельствует о более высоком статусе купечества в глазах городского населения, престиже данного состояния, который старались максимально сохранять.

Полученные данные позволяют уточнить мнение П.Г. Рындзюнского, который полагал, что переход крестьян в мещане, несмотря на трудность процесса, был привлекателен возможностью последующего перехода в купечество [25, с. 51]. В Казани переход мещан в купечество был довольно незначительным (табл. 3). Фактически численность ежегодно объявлявших капитал мещан редко превышала два десятка человек. Некоторый всплеск наблюдается в 1834 г., но это объясняется очередной ревизией населения, что подстегнуло стремле-

Таблица 2

Количество купцов 3-й гильдии, переведенных в мещанство по необъявлению капитала [24]

Год	1827	1828	1829	1830	1833	1846	1847
Количество купцов	58	32	41	27	21	16	13

Таблица 3

Количество мещан, перешедших в купечество 3-й гильдии [26]

Год	Количество мещан	Год	Количество мещан	Год	Количество мещан
1830	9	1846	7	1855	13
1833	34	1847	18	1857	4
1837	8	1848	17	1860	23
1840	9	1849	11	1861	15
1843	8	1853	7	1862	5

ние ускорить изменение социального статуса. Не случайно на этот год приходится и резкий рост перехода в мещанство отпущенных дворовых людей. Более того, если сравнить число мещан, переходящих в купечество, и исключенных по необъявлению капитала, то последние даже преобладают.

Таким образом, переход в мещанство означал приведение в соответствие фактически городского образа жизни с формальным социальным статусом, что было традиционно значимо для регламентированного доиндустриального общества. Привлекателен был не столько статус купечества, в реальности достаточно сложно доступный, сколько городская среда. Город служил социальным лифтом как для крестьян ближайшей округи, так и для мещан уездных городов, поскольку городской образ жизни, особенно крупного губернского города, значительно расширял социально-экономический и культурный потенциал его населения. Насколько активным был процесс обновления мещанства за счет вновь причисленных, можно судить по приблизительным расчетам. Так, по данным административного учета, составленным казанской городской думой, в 1860 г. в городе численность мещан обоего пола, как православных, так и магометан, составляла 21 553 человека [27, л. 17–20]. По указам казенной палаты с 1828-го по 1861 год в мещанство перешли из различных категорий 5562 человека обоего пола. Таким образом, как минимум четверть всех городских мещан (25.8%) представляла собой вновь причисленных из разных категорий населения. При этом надо понимать, что цифра явно была больше, поскольку анализу подвергались только доступные нам источники, сохранившиеся в архиве. Значительная часть этих людей была городскими жителями, менявшими свой социальный статус в силу определенных обстоятельств, но совершенно точно приезжими являлись крестьяне и иногородние мещане. Их в указанный период причислилось как минимум

3007 человек (14% от общего числа казанских мещан), что говорит о заметной социальной мобильности населения.

Таким образом, изучение перемещений между социальными категориями позволяет сделать вывод, что российское общество изучаемого периода было достаточно динамичным, представляя собой переплетение формальных положений, классификаций и определений, отражающих изменчивость образа жизни. Подобное общество Альфред Дж. Рибер называл «седиментарным», допускающим существование внутрисистемных, постоянно перекрывающих друг друга слоев социальной организации [28, р. 346–366]. Конструирование мещанства как открытой социальной группы городского населения отразило в числе прочего стремление государства облечь социальную мобильность в рамки формальных социальных определений. Это было сделано как из фискальных соображений, так и для сохранения стабильности и предсказуемости общества, затронутого модернизационными процессами. Исследование особенностей формирования мещанства Казани свидетельствует о том, что в мещане переходили в первую очередь те группы населения, которые уже вели городской образ жизни, в силу чего государственная политика приписывания к четко сформулированным социальным категориям не имела односторонней направленности, она находила также отклик снизу, от массы различных категорий населения. Данные черты мы ясно видим в дореформенном городском обществе, в котором смешивались различные категории населения, объединенные в синкретичную категорию мещан.

Список литературы

1. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004. 246 с.
2. Волков М.Я. Формирование городской буржуазии в России в XVII–XVIII вв. // Города феодальной России. М.: Наука, 1975.

3. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. № 14516.
4. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 319.
5. Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Russland, 1760–1870: Rechtliche Lage und soziale Structur. Köln, Wien, Bölau, 1986.
6. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 725. Ч. 1.
7. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 726.
8. Максимович Л., Шекаатов А. Географический словарь Российского государства. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде. М., 1801–1809. Ч. 3. 1804.
9. Цит. по: Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города: вторая половина XVIII в. М.: Наука, 1967.
10. Описание Казани и его уезда, сочиненное Дм. Зиновьевым. М., 1788.
11. Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.
12. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 114. Оп. 1. Д. 1115.
13. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844.
14. Виртшафтер Элис К. Социальные структуры: различия в Российской империи. М.: Логос, 2002.
15. НАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 835.
16. Агафонов Н.Я. Генеалогия казанских суконщиков // Горшок герани. Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки КФУ. Д. 216.
17. НАРТ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 492.
18. Останина Л.В. Формирование мещанского сословия Западной Сибири (конец XVIII – XIX в.). Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири // Четвертые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник научных трудов. Баранул: Изд-во Алтайского ун-та. Кн. II. 2003.
19. Кострикина О.А. Мещанство уездных городов Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. Дисс... канд. ист. наук. Ярославль, 2003.
20. НАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 541; Д. 684–686; Д. 688; Д. 945; Д. 946; Д. 1056; Д. 1073; Д. 1083–1086; Д. 1116; Д. 1122; Д. 1175; Д. 1180; Д. 1238; Д. 1302; Д. 1303; Д. 1362; Д. 1363; Д. 1437; Д. 1501; Д. 1502; Д. 1548; Д. 1620; Д. 1623; Д. 1656; Д. 1689; Д. 1723; Д. 1906; Д. 1974; Д. 2081; Д. 2107; Д. 2108; Д. 2244; Д. 2245; Д. 2360; Д. 2436; Д. 2638; Д. 2817; Д. 2903; Д. 3408.
21. НАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 1116.
22. НАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 946.
23. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 357.
24. НАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 559; Д. 635; Д. 706; Д. 877; Д. 1044; Д. 1874.
25. Рынзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
26. НАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 852; Д. 1043; Д. 1290; Д. 1480; Д. 1499; Д. 1691; Д. 1874; Д. 1929; Д. 2134; Д. 2419; Д. 2672; Д. 2833; Д. 3104; Д. 3408; Д. 3356; Д. 3532; Д. 3642.
27. НАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 3172.
28. Rieber Alfred J. The Sedimentary Society//Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow and James L. West, eds. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in the Late Imperial Russia. Prinseton, 1991.

**SOURCES OF FORMATION OF PETTY BOURGEOISIE IN KAZAN IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION PROCESSES
(IN THE LATE 18th CENTURY AND THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY)**

T.V. Bessonova

This paper discusses the process of formation of middle class as a category of urban population in Russia in the late 18th century and the first half of the 19th century. Using the example of Kazan, the author shows regional specific features of recruitment of petty bourgeoisie from various categories of the population: townspeople, coachmen, Tatar servicemen, workmen, peasants, servants, etc. Petty bourgeoisie as an open category of population accumulated various social groups with urban lifestyle. Close relation is revealed between the formation of petty bourgeoisie and modernization processes of pre-reform society.

Keywords: petty bourgeoisie, sources of formation, modernization, social mobility, lifestyle.

References

1. Pantin V.I. Volny i cikly social'nogo razvitiya: civilizacionnaya dinamika i processy modernizacii. M.: Nauka, 2004. 246 s.
2. Volkov M.Ya. Formirovanie gorodskoj burzhuzazii v Rossii v XVII–XVIII vv. // Goroda feodal'noj Rossii. M.: Nauka, 1975.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1-e sobr. № 14516.
4. RGADA. F. 19. Op. 1. D. 319.
5. Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Russland, 1760–1870: Rechtliche Lage und soziale Structur. Köln, Wien, Bölau, 1986.
6. RGADA. F. 16. Op. 1. D. 725. CH. 1.
7. RGADA. F. 16. Op. 1. D. 726.
8. Maksimovich L., Shekatov A. Geograficheskij slovar' Rossijskogo gosudarstva. Geograficheskij slovar' Rossijskogo gosudarstva, sochinennyj v nastoyashchem onago vide. M., 1801–1809. Ch. 3. 1804.
9. Cit. po: Klokman Yu.R. Social'no-ehkonomicheskaya istoriya russkogo goroda: vtoraya polovina XVIII v. M.: Nauka, 1967.
10. Opisanie Kazani i ego uezda, sochinennoe Dm. Zinov'evym. M., 1788.
11. Zorin A.N. Goroda i posady dorevolucionnogo Povolzh'ya. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2001.

12. Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan (dalee – NART). F. 114. Op. 1. D. 1115.
13. Fuks K. Kazanskije tatary v statisticheskom i ehtnograficheskom otnosheniyah. Kazan', 1844.
14. Virtshafter Ehliš K. Social'nye struktury: raznočincy v Rossijskoj imperii. M.: Logos, 2002.
15. NART. F. 114. Op. 1. D. 835.
16. Agafonov N.YA. Genealogiya kazanskih sukonschikov // Gorshok gerani. Otdel redkih rukopisej i knig Nauchnoj biblioteki KFU. D. 216.
17. NART. F. 408. Op. 1. D. 492.
18. Ostanina L.V. Formirovanie meshchanskogo sosloviya Zapadnoj Sibiri (konec XVIII – XIX v.). Istoricheskiy opyt hozyajstvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri // Četvertye nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina: Sbornik nauchnyh trudov. Baranul: Izd-vo Altajskogo un-ta. Kn. II. 2003.
19. Kostrikina O.A. Meshchanstvo uezdnyh gorodov Yaroslavskoj gubernii v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. Diss... kand. ist. nauk. YAroslavl', 2003.
20. NART. F. 114. Op. 1. D. 541; D. 684–686; D. 688; D. 945; D. 946; D. 1056; D. 1073; D. 1083–1086; D. 1116; D. 1122; D. 1175; D. 1180; D. 1238; D. 1302; D. 1303; D. 1362; D. 1363; D. 1437; D. 1501; D. 1502; D. 1548; D. 1620; D. 1623; D. 1656; D. 1689; D. 1723; D. 1906; D. 1974; D. 2081; D. 2107; D. 2108; D. 2244; D. 2245; D. 2360; D. 2436; D. 2638; D. 2817; D. 2903; D. 3408.
21. NART. F. 114. Op. 1. D. 1116.
22. NART. F. 114. Op. 1. D. 946.
23. RGIA. F. 1152. Op. 5. D. 357.
24. NART. F. 114. Op. 1. D. 559; D. 635; D. 706; D. 877; D. 1044; D. 1874.
25. Ryndzyunskij P.G. Gorodskoe grazhdanstvo do-reformennoj Rossii. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958.
26. NART. F. 114. Op. 1D. 852; D. 1043; D. 1290; D. 1480; D. 1499; D. 1691; D. 1874; D. 1929; D. 2134; D. 2419; D. 2672; D. 2833; D. 3104; D. 3408; D. 3356; D. 3532; D. 3642.
27. NART. F. 114. Op. 1. D. 3172.
28. Rieber Alfred J. The Sedimentary Society//Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow and James L. West, eds. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in the Late Imperial Russia. Prinseton, 1991.